

РЕЦЕНЗИИ Reviews

УДК 340.111.5

DOI: 10.19073/2658-7602-2023-20-1-90-99

EDN: QMVSTM

Оригинальная научная статья



Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики). Москва: Норма, 2023. 1544 с.



Н. Н. Цуканов

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Российская Федерация

✉ nikolai_zukanov@mail.ru

Аннотация. В представленной рецензии дается общая оценка очередной монографии известного российского ученого, специалиста, обладающего значительным опытом практической работы, доктора юридических наук, профессора Петра Павловича Серкова. Констатируется философско-юридическая направленность проведенного исследования, оцениваются ключевые положения и выводы автора, отмечаются перспективы дальнейшего научно-практического использования полученных результатов. В первой части рецензии рассматривается специфика определенного П. П. Серковым предмета исследования. Отмечается, что последний многократно шире тематики правоотношений в привычном для современного юриста смысле. Название монографии обусловлено тем, что автор работы уделяет этой категории особое место, признавая ее фундаментальной основой системы правового регулирования. Обращается внимание на широту и разнообразие иллюстративного материала, оригинальность использованных автором способов постановки исследовательских задач и формулирования научных вопросов, определения методов их решения, избрания формы и стилистики изложения полученных результатов. В обоснование выводов приводятся многочисленные ссылки на текст монографии, формулируются краткие обобщения. Второй раздел работы посвящен стилистике изложения научного материала, акцентируется внимание на ее влиянии на восприятие текста и на его содержание. Отмечается, что указанная особенность делает текст более ярким, образным, но в то же время значительно осложняет работу с ним, затрудняет точное понимание авторской идеи. Третий раздел отражает особенности структуры работы. В рецензии обращается внимание на нестандартность подхода П. П. Серкова к наименованию и взаимному расположению структурных элементов, на трудно-разрешимость отдельных сформулированных П. П. Серковым научных вопросов. Особо отмечается используемый автором метод аргументации посредством ссылок на недоказанность того или иного тезиса. Отмечаются спорные положения монографии. Рецензент не разделяет скептического отношения автора к методологии современной юридической науки, его мнения о необходимости пересмотра роли метода абстрагирования в научных юридических исследованиях, о месте правоотношения в структуре правовой материи и по ряду иных научных вопросов.

Ключевые слова: рецензия, правоотношение, правовая политика, философия права, правовое регулирование

Для цитирования: Цуканов Н. Н. Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение (теория и практика современной правовой политики). Москва: Норма, 2023. 1544 с. // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 90–99. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-90-99>. EDN: <https://elibrary.ru/qmvstm>

© Цуканов Н. Н., 2023

Original scientific article

Review of the Monograph: Serkov P. P. Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Policy). Moscow: Norma, 2023. 1544 p.

N. N. Tsukanov 

*Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russian Federation*

✉ nikolai_zukanov@mail.ru

Abstract. The presented review gives a general assessment of the monograph by the famous Russian scholar, a specialist with significant practical experience, Doctor of Legal Sciences, Professor Petr Pavlovich Serkov. The philosophical and legal orientation of the study is stated, the key provisions and conclusions of the author are evaluated, the prospects for further scientific and practical use of the results are noted. In the first part of the review, the specifics of the subject of research determined by P. P. Serkov are considered. It is noted that the latter is many times wider than the subject of legal relations in the usual sense for a modern lawyer. The title of the monograph is due to the fact that the author of the work gives this category a special place, recognizing it as the fundamental basis of the system of legal regulation. Attention is drawn to the breadth and diversity of the illustrative material, the originality of the methods used by the Author of setting research problems and formulating scientific questions, determining methods for solving them, choosing the form and style of presenting the results. Numerous references to the text of the monograph are given to substantiate the conclusions, and brief generalizations are formulated. The second section of the work is devoted to the style of presentation of scientific material, focuses on its influence on the perception of the text and its content. It is noted that this feature makes the text more vivid, figurative, but at the same time significantly complicates the work with it, makes it difficult to accurately understand the Author's idea. The third section reflects the features of the structure of the work. The review draws attention to the non-standard approach of Petr P. Serkov to the naming and mutual arrangement of structural elements, to the intractability of certain scientific questions formulated by Petr P. Serkov. The method of argumentation used by the Author by means of references to the unprovenness of one or another thesis is especially noted. The controversial provisions of the monograph are noted. The reviewer does not share the Author's skeptical attitude to the methodology of modern legal science, his opinion on the need to revise the role of the abstraction method in scientific legal research, on the place of legal relations in the structure of legal matter, and on a number of other scientific issues.

Keywords: review, legal relationship, legal policy, philosophy of law, legal regulation

For citation: Tsukanov N. N. Review of the Monograph: Serkov P. P. Legal Relationship (Theory and Practice of Modern Legal Policy). Moscow: Norma, 2023. 1544 p. *Siberian Law Review.* 2023;20(1):90-99. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-1-90-99>. EDN: <https://elibrary.ru/qmvstm> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Выход монографии «Правоотношение (Теория и практика современной правовой политики)» известного российской ученого доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста РФ П. П. Серкова стал ярким событием

в научном мире. Работа служит продолжением предыдущей монографии «Правоотношение (нравственность современного правового регулирования)» [1], обладает теми же особенностями, в значительной мере сохраняет уже отмеченные достоинства и недостатки [2].

© Tsukanov N. N., 2023

СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как и в предыдущем случае, содержание монографии не ограничено традиционными для юридической литературы вопросами, связанными с правоотношением, не предполагает их доминирования, и более того, значительная часть этих вопросов остается за рамками авторского внимания. Читатель не обнаружит характерных для подобных публикаций рассуждений относительно структуры правоотношения (в привычных для него терминах), их отраслевой специфики, оснований возникновения, места в механизме правового регулирования и т. д. Предмет рассуждений многократно шире. В названиях всех четырех глав работы, а также всех сорока четырех входящих в эти главы параграфов термин «правоотношение» упоминается лишь единожды.

Многообразие и многоаспектность рассматриваемой проблематики автор, как и в предыдущей работе, связывает с особым местом правоотношения в юридической среде. Так, механизм правоотношений определяется в качестве «основной юридической закономерности правового регулирования» (Ч. 2. – § 2.4), отмечается, что «жесткая прагматика комплекса взаимных естественных зависимостей наделяет механизм правоотношений способностями быть единственной универсальной юридической логической конструкцией, на которой зиждется все правовое регулирование» (Ч. 2. – С. 630).

Исследование правоотношений, по замыслу автора, не только неизбежно даст новый импульс изучению иных правовых явлений, но и будет иметь позитивные внеюридические последствия: «Доказуемость реального существования, но непостижимости метафизических проявлений в правовом регулировании через призму механизма индивидуальных конституционных правоотношений сможет постепенно активизировать осмысление

и освоение нравственного и духовного опыта взаимодействия и сотрудничества между гражданами, обществом и государствами, оптимально сближая их усилия» (Ч. 2. – С. 586); «Механизм правоотношений способен сберегать жизненные силы и продлевать благополучные годы субъективной жизни и существования социума в динамике разнообразных, но всегда конкретных актов межличностного общения» (Ч. 2. – С. 669).

По своему содержанию материал не является чисто и даже преимущественно правовым исследованием, скорее это философия права, поскольку основное внимание автора приковано к поиску смысла права, его места в жизни человека и общества.

В монографии отсутствуют обязательные для юридической литературы многочисленные ссылки на правовые источники, оценка судебной и иной правоприменительной практики. В ряде случаев вниманию читателя предлагается «умозрительный испытательный стенд», где в формате условного обозначения («АП-1, БП-2, ВП-3...») перечисляются судебные решения (Ч. 2. – С. 163, 192, 205, 247, 313; Ч. 1. – С. 377, 438, 440, 447, 665 и т. д.). Сами решения в кратком виде отражены в первой части монографии на страницах 311–319, но их содержание, имеющее отношение к рассматриваемому вопросу, остается далеко не всегда очевидным. В единичных случаях приводятся ссылки на нормативные и иные официальные источники (Ч. 1. – С. 378, 407; Ч. 2. – С. 460–461; Ч. 1. – С. 852, 854–855), однако в большинстве случаев лишь в формате их наименований.

В числе выводов отсутствуют предложения, связанные с совершенствованием нормативной правовой основы и практики ее применения. Более того, автор сознательно уклоняется от анализа правовых вопросов в их утилитарно-прагматическом контексте. Правовая материя рассматривается,

скорее и преимущественно, в качестве социокультурного феномена. Вопросы, традиционно предполагающие изначально юридическую направленность, анализируются через призму метаюридических факторов с использованием нестандартных логических конструкций и терминологии, широчайшего по своей природе и поразительного по разнообразию фактологического и иллюстрационного материала. Автор, конечно, не отрицает практического смысла юридического материала, но обращается к нему на совершенно ином уровне. Например, небезосновательно отмечается, что «право как идейный фундамент межгосударственных отношений в целом безукоризненно корректно обслуживает различные правовые режимы, а значит, фактически любую идеологию» (Ч. 1. – С. 140).

В части постановки исследовательских задач П. П. Серков существенно расширяет традиционные границы юридического исследования. Формулируются задачи принципиально иного уровня. «Важно уяснить, – пишет автор, – имеются ли в социальной среде простейшие “наночастицы”, слагающие правовую действительность и аналитические “точки опоры”, в чем-то связующие, а в чем-то разделяющие эту действительность» (Ч. 1. – С. 87); «Юридическое научное сообщество, разрабатывая правовую теорию, упустило из виду что-то очень важное в ее форме и содержании, а как следствие, и в отмеченном приспособлении. Поэтому не получается установить, кто из исследователей прав полностью или частично, а кто не прав и в какой части, вследствие чего возникла и сохраняется концептуальная неизвестность относительно адекватного отображения современной естественности правовой действительности» (Ч. 2. – С. 23).

Подобные подходы позволяют генерировать необычные исследовательские вопросы. «Главное заключается в том,

что доктринально не объясняется необычность (мягко сказать) динамики в следующей ситуации. Как субъект права, каждый человек доктринально признается обладателем субъективных прав. Вместе с тем во время урегулирования общепризнаваемого общественного отношения один из субъектов, видимо, лишается своего права этой же доктриной. Более того, снова этой же доктриной он наделяется только субъективной обязанностью, а другой субъект снова необъяснимо от обязанности освобождается» (Ч. 2. – С. 94). «По существу, приходится признавать неизвестность того, что за ощущения послужили доктринальному введению категории субъекта права, каким образом они связывают человека и право и для чего потребовалась эта безмолвная категория?» (Ч. 2. – С. 123).

Для решения подобных вопросов предлагается использовать социологию права, которая, по утверждению автора, «как и догма позитивного права, образно говоря, выступает якорем, удерживающим на одном месте познание и применение закономерностей, реально влияющих на социальную и правовую действительность в несомненно бушующем житейской море чувств, эмоций, мотивов» (Ч. 1. – С. 127), философию, социологию, психологию, вирусологию, зоологию, лингвистику и многие другие науки. Например, на странице 137 (Ч. 2) отмечается, что правовые ощущения выступают естественным индикатором правовой действительности по самоорганизации благополучия существования человека в обществе, что «сознание и психика человека через ощущения обладают способностью распознавать, какие зависимости подлежат юридикации в качестве нравственно оправданных, с помощью каких свойств и для достижения каких состояний» (Ч. 2. – С. 516).

Интересно, что, признавая динамичность привлекаемых для решения

подобных вопросов перечисленных наук, автор не связывает подобную возможность с наукой юридической. «Если право, – задается вопросом П. П. Серков, – представляет собой нормативный порядок, то неясны причины, по которым полемика вокруг соотношения права и закона окончательно не завершилась?». На наш взгляд, потому, что многие элементы правовой материи связаны с вопросами, здравый смысл при ответе на которые – категория конкретно историческая, способная иметь географическую, политическую, социально-культурную и иную специфику, подвластная правилам темпоральной логики.

Для оценки представленных П. П. Серковым предложений уместно провести аналогию и вспомнить, что в советской и современной российской юридической литературе не принято отграничивать науку административного права от науки государственного управления, как это происходило, например, в работах классиков камералистики Ж. А. Д. фон Юсти, Ж. Э. Пюттера, И. фон Соненфеля, Л. фон Штейна и т. д., а также более поздних зарубежных исследователей, например французских административистов Б. Гурнея, Ж. Веделя, Р. Драго и т. д.

В контексте подобного противопоставления наука государственного управления не является нормативистской, она направлена на изучение закономерностей деятельности государственной администрации с использованием методологии, более близкой философии, психологии, социологии, истории и т. д. Как уже отмечалось в предыдущих работах рецензента, ценность подобного подхода заключается в способности науки государственного управления оперировать весьма разнообразным инструментарием, а также в меньшей зависимости научной доктрины от политической конъюнктуры. По словам А. Ф. Вивьена, государственное управление «больше изучает социаль-

ные явления, нежели писанные законы, она делает более смелые обобщения и свободнее в выборе решений...» [цит. по: 3, с. 10]. Подобный подход эффективен против правового идеализма, выражающегося в убежденности исследователя в абсолютной достаточности правовых средств для решения любых юридических проблем. В то же время увлечение им таит и существенные недостатки. Как отмечает Р. Драго, «те авторы, которые занимаются наукой государственного управления, не зная административного права, в результате сложных исследований вновь открывают закономерности, которые уже хорошо известны студентам второго курса» [3, с. 13]. Но главное заключается в том, что сознательный отказ от использования метода абстрагирования закономерно ставит перед исследователем заведомо неразрешимые задачи в части широты предмета исследования при определенных требованиях к глубине проработки вопроса. В частности, не очень понятно, каким должен быть объем такой работы, должен ли такой научный текст содержать материал и выводы, представляющие научный интерес для профессионального психолога или физика, если да, то уместно ли в таком случае говорить о научной специализации исследователя.

СПЕЦИФИКА СТИЛИСТИКИ ИЗЛОЖЕНИЯ НАУЧНОГО МАТЕРИАЛА

Как и прежде, особенностью работы остается яркий, но очень сложный для восприятия стиль изложения. С определенной степенью условности его можно сравнить со стилистикой художественного произведения, автор которого вправе пожертвовать ясностью, недвусмысленностью текста в угоду другим обстоятельствам и задачам: для создания особой художественной композиции, для подчеркивания глубины, объемности восприятия произведения, учета индивидуальных особенностей исполнителя, передачи

собственного эмоционального отношения к событию и т. д.

В рецензируемой монографии категории нередко упоминаются описательно, с использованием многозначительных терминов, сложных терминологических конструкций, нестандартных ракурсов, непредсказуемо чередуется при этом сложность постановки вопроса от, казалось бы, очевидных до совершенно неожиданных. Многие положения работы могут быть поняты только в результате анализа контекста, например: «прагматизм правоприменительного достижения конкретики справедливости приемлет лишь единственно возможный вариант в виде убедительной доказанности научных выводов» (Ч. 1. – С. 166); «известно, что в современной юриспруденции превагирует доктринальный подход придания приоритета интуиции, а не выявлению и обоснованию юридической сути присутствующих глубинных повторений в каждом отдельно взятом факте “деятельности людей”» (Ч. 2. – С. 501–502); «...для осуществления дел аналитики реальных сюжетов в естественности правовой действительности. Об этом свидетельствует неясность того, как надо рассуждать о делах в формате правовой доктрины» (Ч. 2. – С. 99); «не ясны причины, по которым приоритет в понимании новых векторов регулирования придан лишь правообразованию. По крайней мере, возникает потребность в объяснении того, что умолчание о правореализации не ограничивает понимание так называемой догмы права, что в таком “урегулированном” виде не сохраняет регулятивные способности. Соответственно, в познании только “государственного правообразования” прояснится, что образует “другое” право, каким образом и для чего это происходит» (Ч. 2. – С. 449) и т. д.

Как представляется, П. П. Серков достаточно скептически относится к эффективности традиционных для современной

юридической науки методов познания. «Современное своеобразное научное “кружение” вокруг того, что было сказано в прошлом, не способствует последовательному и всестороннему выявлению, уяснению, доказыванию и объяснению того, что, для чего и каким образом происходит в современной правовой действительности. Доводы об интеграции научных точек зрения в целом правильные, но они не означают формирования комплексно структурированных юридических знаний» (Ч. 1. – С. 165). Как результат: «В правовой теории отсутствуют юридические закономерности» (Ч. 1. – С. 162); «сложно разглядеть масштабные исследовательские успехи, когда новые поколения исследователей пытаются изменять понятийный аппарат, но из десятилетия в десятилетие сохраняют сложившуюся методичку научных рассуждений, несмотря на неподтвержденность ее состоятельности в решении тактических задач и движении к долгосрочным перспективам» (Ч. 1. – С. 84); «теории прошлого воспринимаются в форме их пересказа» (Ч. 2. – С. 24); «в 21 веке не выявлено единой юридической конкретики, способной глубинно объединить точки зрения, гипотезы и теории авторов прошедших эпох и недавнего прошлого» (Ч. 2. – С. 51); «снова приходится констатировать, что правовая аналитика идеалов должного и ежедневного сущего как проявление правовой онтологии не основана на фундаменте системной конкретики одних и тех же признаков, критериев и параметров» (Ч. 2. – С. 266).

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ РАБОТЫ

Первая часть монографии охватывает две главы: «Конкретика справедливости. Неведомые закономерности или утопия» и «Сущность правовой политики».

Нельзя не согласиться с автором в том, что «исследовательская пылкость должна приводить к углубленному

проникновению в это бытие, а не вращаться вокруг в целом общих рассуждений о важности права, справедливости и т. д.» (Ч. 1. – С. 82), «должностные лица, наделенные государственной властью, имеют полное право на то, чтобы получать от юриспруденции высококачественную аналитику и выверенные предложения о видении того или иного явления и события правовой действительности» (Ч. 1. – С. 86) и иными подобными утверждениями. В ходе своих рассуждений автор фиксирует бесспорную связь между правовыми и этическими категориями: «идеи и слова юридической науки в первую очередь обязаны ориентировать на нравственные дела и противостоять культивированию безнравственных дел» (Ч. 1. – С. 190); «справедливость обязана обладать системной конкретикой динамических ресурсов в актах применения системы права, а также каждой отдельно взятой правовой нормы» (Ч. 1. – С. 106); «современная юриспруденция обязана выявить юридическую конкретику действия вируса безнравственности в естественности правовой действительности» (Ч. 1. – С. 484); «юриспруденция должна заниматься исследованием комплексности этико-юридической модели социальной организации жизни сознания, а не права и этики раздельно» (Ч. 1. – С. 565). При этом за основу принимается близкая к безусловной предопределенность правовых категорий нравственными: «Юриспруденция занимается познанием всех правовых вопросов, но не затрагивает главного – степени эффективности влияния права на формирование нравственно оправданной идеологии мер правовой политики» (Ч. 1. – С. 459). В конечном итоге автор приходит к небесспорному заключению, что «сущность естественной гармонии правового регулирования всего многообразия межличностного общения заключается в обеспечении достижения конкретики справедливости»

(Ч. 1. – С. 621). Однако, как уже отмечалось ранее, характер соотношения указанных категорий выглядит более сложным, в том числе речь идет и о взаимосвязи правовых норм с нормами иных социальных регуляторов. Как отмечается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона – не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад».

Рассуждая о правовой политике, П. П. Серков вполне справедливо отмечает, что «если объектом правовой деятельности выступают общественные отношения, то объектом правовой политики – правовая жизнь в целом. ... объектом правовой политики можно считать и правовую деятельность, которая, в свою очередь, является составной частью правовой действительности, важнейшим сегментом правового развития общества» (Ч. 1. – С. 405). В главе анализируются исторические начала правовой политики, характеризуются ее закономерности, отражается связь правовой политики и правовой социализации. В то же время довольно неожиданно, что, раскрывая понимание современной правовой политики (Ч. 1. – § 2.3), автор за основу принимает рассуждения не о политике в праве, а о праве в политике, что, очевидно, предполагает иную расстановку приоритетов.

Вторая часть монографии основана на противопоставлении весьма специфических категорий «неопределенности» (первая глава) и «определенности» (вторая глава) в правовой сфере. Как и в предыдущих разделах работы, формулировки названий параграфов проявляют некоторые элементы научно-публицистического стиля, вследствие чего читателю, вероятно, будет трудно (если вообще возможно) спрогнозировать, о чем пойдет речь

в последующих параграфах: «Неопределенности правовой диалектики», «Неопределенности метафизики в праве», «Определенности правовых уроков вирусологии», «Определенности закономерностей правового регулирования», «Определенности некоторых аспектов правового регулирования» и т. д.

В первом параграфе «Неопределенность столпа юриспруденции» на странице 23 П. П. Серков отмечает: «Юридическое научное сообщество, разрабатывая правовую теорию, упустило из виду что-то важное в ее форме и содержании... Поэтому не получается установить, кто из исследователей прав полностью или частично, а кто не прав и в какой части, вследствие чего возникла и сохраняется концептуальная неизвестность относительно адекватного отображения современной естественности правовой действительности». Продолжая эту мысль, автор использует термин «столп юриспруденции», под которым понимает собрание исследовательских идей, слов и дел «всей цивилизации», которое положено «в основу формирования современных доктринальных приоритетов права». При этом предлагается два варианта современного исследовательского «распоряжения» отмеченным наследием: 1) пересказ рассуждений с фрагментарными ссылками на текст, 2) «погружение в юридические смыслы точек зрения и, гипотез и теорий... их включение в доктринальную аналитику и богословскую мысль» (Ч. 2. – С. 25), на основании чего строятся рассуждения о существующих неопределенностях.

Подобный подход, на мой взгляд, не выглядит перспективным, во-первых, в силу необъятности предмета исследования и грандиозности обозначенной задачи, во-вторых, в силу того, что отмеченная вариативность представляет собой разные стороны одного и того же явления, а их сочетание – разницу в качестве про-

веденного исследования. Не случайно автор, явно симпатизируя второму варианту, тем не менее в качестве вывода предлагает следующий тезис: «Парадокс заключается в том, что в естественности неисчислимого повторения актов общения, включая межгосударственные отношения, протекающих на протяжении тысячелетий современной юриспруденции, не выявлены универсальные показатели, единообразно характеризующие динамику и ощущения соответствующей правовой действительности» (Ч. 2. – С. 51).

В оригинальной стилистике и манере изложения текста кроется нехарактерная для научного текста особенность. По своему содержанию материал в большей степени отражает не результаты исследований автора, а его наблюдения и описание отношения к ним. Рассуждения о «неопределенностях в праве» не сопровождаются формулировками утверждений, позитивный смысл которых предполагает наличие нового знания об общеизвестных фактах, получения знания, превосходящего общеизвестные представления о соответствующем предмете. Например, отмечается, что «несмотря на “мощь человеческого разума“, проблема права и свобод, а также “компенсации опасностей самоопределения и свободы” обсуждаются без использования результатов юридической науки» (Ч. 2. – С. 23); «не известны юридические препятствия, по которым результаты “правопознания” до настоящего времени не объединяются в идеях, словах и делах за счет унифицированных признаков, критериев, параметров того же правопонимания» (Ч. 2. – С. 40); «парадокс правовой диалектики проявляется в том, что в статике искусственности права доктринально усматривается единство и борьба противоположностей, а в естественной динамике событий правовой действительности ощущения противоречивости даже не предполагаются» (Ч. 2. – С. 163) и т. д. При этом в выводах работы понятные

рекомендации на этот счет отсутствуют. Обличение неэффективности предыдущих подходов к проведению научных исследований в области юриспруденции не завершается ни систематизированными рекомендациями, ни примерами решения прикладных вопросов посредством использования новой научной парадигмы. В качестве ожидаемых выводов читателю в конце каждого параграфа предлагаются парадоксы, характеризующие, по мнению автора, предмет исследования.

Раскрывая наименования тем, отраженных в названиях параграфов, автор весьма активно использует ссылки на недоказанность того или иного факта, на маловероятность возможности его отрицания как на обоснование своих выводов: «вряд ли получится убедительно отрицать, что правовые идеи, слова и дела обязательно предназначены для конкретного человека, общества в целом и образованного им государства» (Ч. 2. – С. 80); «не представлены доказательства того, что доктринальная несогласованность идей и слов о правопонимании единообразно воспринимается человеком, общества и государством» (Ч. 2. – С. 89); «не представлены доказательства того, что доктринальная несогласованность идей и слов о правопонимании единообразно воспринимается человеком, обществом и государством... в частности, не встретилось доказывания и того, что эти идеи и слова

последовательно способствуют обучению всех членов общества делам нравственного смирения перед своими обязанностями и нравственного терпения чужих прав, прививают ответственные ощущения совести и вины, взаимного уважения» (Ч. 2. – С. 189) и т. д.

Полагаю, что задача доказать что-либо, как правило, ставится в случае наличия разумных сомнений в привычных способах решения соответствующего вопроса. В этом смысле «недоказанность» также должна быть доказанной, а «неопределенность» обоснована убедительными аргументами, подтверждающими наличие вариативности в способах решения стандартных вопросов, а также научно-практической значимости этой вариативности. Считаю, что этот компонент не нашел в работе надлежащего отражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует признать, что представленная монография содержит интереснейший материал для научного осмысления. Нет никаких сомнений в том, что в ней читатель встретится с автором, обладающим богатейшим профессиональным и жизненным опытом, широчайшей эрудицией, настойчивостью, мощным терминологическим арсеналом и удивительной способностью обращать внимание на неочевидное в казалось бы банальных для каждого юриста вопросах.

Список литературы

1. Серков П. П. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования) : моногр. М. : Норма, 2020. 688 с.
2. Цуканов Н. Н. П. П. Серков. Правоотношение (нравственность современного правового регулирования): монография. М.: Норма, 2020. – 688 с. // Государство и право. 2021. № 4. С. 161–164. DOI 10.31857/S102694520000000-1
3. Драго Р. Административная наука / пер. с фр. канд. юрид. наук В. Л. Энтина ; под ред. Б. М. Лазарева. М. : Прогресс, 1982. 215 с.

References

1. Serkov P. P. *Legal Relations (The Morality of Modern Legal Regulation)*. Moscow: Norma Publ.; 2020. 688 p. (In Russ).
2. Tsukanov N. N. P. P. Serkov. *Legal Relations (The Morality of Modern Legal Regulation)*: monograph. M.: Norma, 2020. – 688 pp. *State and Law*. 2021;4:161-164. DOI: 10.31857/S102694520000000-1 (In Russ).
3. Drago R. *Administrative Science*. Moscow: Progress Publ.; 1982. 215 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Цуканов, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (ул. Рокоссовского, 20, Красноярск, 660131, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4476-6772>; e-mail: nikolai_zukanov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai N. Tsukanov, Deputy Head of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (20 Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4476-6772>; e-mail: nikolai_zukanov@mail.ru

Поступила | Received
22.02.2023

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
08.03.2023

Принята к публикации | Accepted
31.03.2023